

Волшебство

Не боясь показаться старомодными, мы употребили это несколько неожиданное в наш прагматически-деловой век слово «волшебство» совершенно сознательно. Ибо как точнее определить то, что всегда приносит на сцену великолепный художник, маг и чародей своего вдохновенного искусства Сулико Багратович Вирсаладзе? Волшебство живописи и тончайшее, изысканнейшее мастерство, удивительная стройность создаваемого им на сцене мира, безупречность вкуса, щедрое разнообразие пластических приемов в отыскании того единственно возможного решения образа спектакля — все это неотъемлемые черты почерка мастера.

С особой очевидностью все это проявилось на юбилейном вечере, где показ одного из актов созданных им спектаклей на сцене Большого театра сменялся еще одним, далее шел третий, и этот блестящий парад по-особому еще раз высветил не поддающийся никакому суетливому перерасчету масштаб творчества этого удивительного мастера.

Встречающий свой знаменательный юбилей в расцвете мастерства, народный художник СССР, лауреат Ленинской и

Государственных премий СССР, академик Сулико Багратович Вирсаладзе все так же далек от суеты и мнимой значительности, так же сосредоточен и мудр. Это великое счастье — быть рядом и ощущать всю силу его могучего искусства. Фантастическая причудливость волшебного сочетается у него с обаянием естественности, поэтичность с монументальностью, наивность с подлинной мудростью.

Еще в далекие предвоенные годы, когда на сценах ленинградских театров создавали свои ставшие теперь классическими творения мощные художники сцены (имена-то все какие: В. Дмитриев и Н. Акимов, А. Тышлер и Н. Альтман, А. Рыков и М. Левин), молодой художник С. Вирсаладзе уверенно и ярко заявил о себе. Сколько прошло лет, а очаровательный, с серьезным юмором «Фальстаф» в Малом оперном и трагически красивая «Лауренсия» в Кировском — все помнятся и видят-

ся. Такова сила подлинного искусства. Если только перечислить все, что создано на сценах Тбилиси, Ленинграда, Москвы, Парижа, Рима, Праги, Софии, то не хватит места на целой полосе газеты. А сюда же надо причислить все страны мира, с которыми на гастролях сталкивался мир, созданный художником на сцене. Громадные и впечатляющие встречи, радостные и торжественно прекрасные!

Судьба подарила нам возможность быть очевидцами триумфов художника. Еще в 1957 году, когда театр не сотрясали могучие революционные перемены 60—70-х годов, не были еще открыты новые возможности театра в общении со зрителем, художник создал волшебное мерцающую малахитовую шкатулку, весь спектакль таинственно присутствовавшую на сцене и из своих изысканных узоров рождавшую все картины спектакля «Каменный цветок». Открытие по тем временам невиданное!

Это тогда, когда под реализмом понималось подлинное перенесение на сцену уральских пейзажей, этакое унылое правдоподобие витрин краеведческих музеев с их пыльными богатствами флоры и фауны. А тут какие-то условные, но такие прекрасные пейзажи леса и ярмарки, подземелий и гор. Подлинная революция. Такая же, как борьба с псевдовосточной красотой фонтанов и калянов в изысканнейшем решении «Легенды о любви». Или могучие римские сооружения в «Спартаке». Это пришло на смену археологически дотошным реконструкциям, с педантичностью воссоздающим совсем не похожую на подлинность лакированную бутафорию.

Здесь же суровые серебряные станы, каменный мешок подземелий, ристалищ и дворцов. А стройное и до аскетичности выверенное трехнефное пространство в «Иване Грозном». Все полемика с псевдорусским стилем, так часто вы-

даваемым за подлинную красоту, а на деле вульгарное сувенирно-елочное благолепие.

Мощная арка, завершающая три нефа, несет, в своей вершине колокола как пролог к каждой картине, и поворачивающиеся драгоценные мерцающие апсиды раскрывают то царские покои, то приделы храма.

И тут же уютный мир дома, зимнего праздника и волшебного вырастающая во всю ширь сцены елка — и герои, летящие в мир мечты... В творимой на сцене сказке проступают серьезные общечеловеческие проблемы. Так «Щелкунчик» в работе художника превратился из рождественской милой сказки, не потеряв ее обаяния, в поэму о жизни и мечте.

Пример высочайшего профессионализма дает вся жизнь в театре Сулико Багратовича Вирсаладзе — изобретательный, остроумный не только в жизни, но и в искусстве человек. Многие его находки сродни открытию. Уметь так, как он, выявить фактуру материала не может никто. Обыкновенная сетка при его прикосновении становится тяжелой парчой, а тюль обретает твердую прочность фундаментальных строений.

В работе он до щепетильности требователен и к себе, и к людям. И это знают все, кому довелось с ним сотрудничать. Но работать с ним любят, потому что знают: его требовательность — это стремление к совершенству. При подготовке спектакля он вмешивается буквально во все. Сдать эскизы и на этом считать свою миссию исчерпанной — это не для Вирсаладзе. Художнику для каждого спектакля необходим все новый и новый поиск. Сколько ассоциаций рождает каждый спектакль С. Вирсаладзе! Какое пиршество выдумки, мастерства!

Так и кажется, что это ему принадлежит ответ на вопрос одного из дотошных людей, желающих знать все: «Скажете, а правда ли бывший князь?». После короткой паузы в этом рассказе следует ответ: «Не знаю, но как же это может быть — бывший сенбернар?». Он и есть князь и владетельный герцог сцены, мудро и щедро управляющий своим царством.

Ю. ГРИГОРОВИЧ,
народный артист СССР;
М. КУРИЛКО,
заслуженный художник
РСФСР.